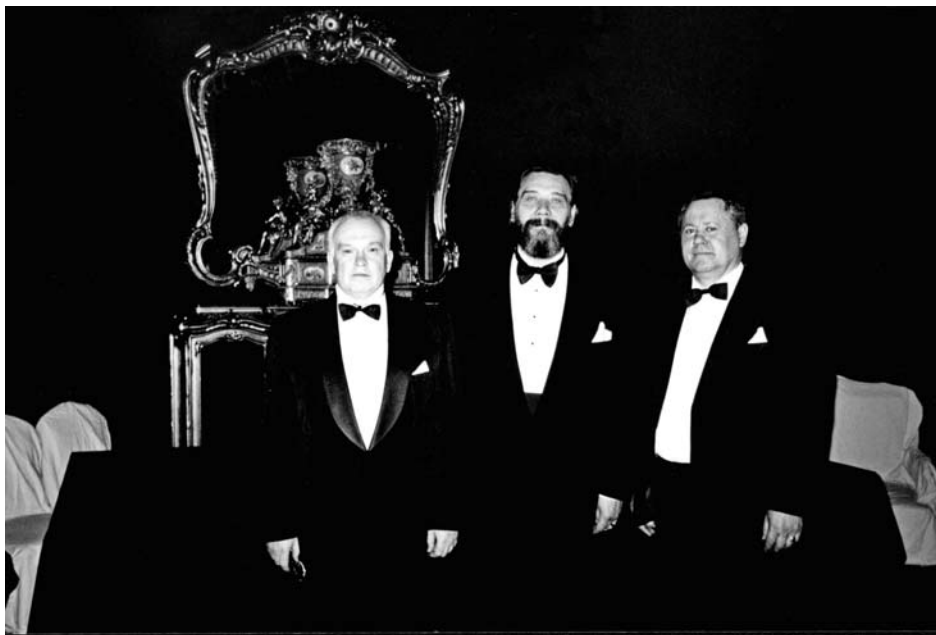

ПОКЛОН УЧИТЕЛЯМ

В потертой солдатской шинели, стоптанных сапогах безрукий солдат появлялся в нашем бараке по выходным. Бросал под ноги шапку, прикладывая уцелевшую руку чашечкой к уху и запевал. Пел он старинные русские песни. Мне было лет пять или шесть, но я запомнил на всю жизнь его хрипловатый бас, который поведал мне грустную историю о бродяге, проклинающем судьбу, и много других историй, которые меня чрезвычайно волновали и доводили до слез или непонятого мне тогда умиления и благостного состояния. Выступление длилось около получаса, но неизменно заканчивалось одной веселой песенкой, в которой певец совершенно преобразался, распетый голос молодецки звенел, сгорбленная спина выпрямлялась, ноги бойко притоптывали: «Лапти, да лапти да лапти мои лапти новые...» И такой он лихой да удалой становился, что и мы, слушатели,

включались, весело и дружно хлопали в ладоши и притоптывали вместе с ним. Затем я стремглав мчался в нашу комнату, просил у мамки пяточок и бросал его в шапку. Это был мой первый певец — артист, который оказал на мою жизнь огромное влияние. Именно тогда во мне зародилось непреодолимое желание петь. Петь русские песни, такие красивые, такие разные, вызывающие бурю эмоций. Это и величавые широкие, как самая большая русская река Волга, и былинные напевы о народных героях Илье Муромце и Иване Калите, и эпические сказания о Стеньке Разине и Ермаке. Это и грустные, лирические, почти интимные, как «Ничто в полюшке не кольшется», и задорные, удалые — «Вдоль по Питерской», и много других, совсем забытых, которых я больше никогда не слышал. И пел их солдат — истинно народный певец, имени которого я, к сожалению, не знаю. Песни эти открыли для меня но-

Выпускники ГМПИ им. Гнесиных (класс Е.В. Иванова) Н. Низиенко, Вл. Маторин, В. Захаров

вый прекрасный мир, мир музыки и театра. Народные песни — это чистый родник, который формирует, воспитывает вкус и культуру.

Родился я в Красноярске, в простой рабочей семье. Жили мы в дощатом бараке. Семья была дружная, очень хорошая. Папа работал мастером цеха на заводе, мама вела хозяйство и воспитывала троих детей. Я был старший. Музыкаю, как и другими видами искусства, никто не занимался и не интересовался. Времена были тяжелые, голодные, нужно было элементарно выживать. Был у нас патефон и несколько пластинок: Л. Русланова, К. Шульженко и что-то еще в исполнении хора Пятницкого. И вдруг... Появилась пластинка, на этикетке которой было напечатано странное слово: «Бах», и еще более странное: «Токката»! Отец купил ее потому, что она была уцененная и стоила две копейки. Ее поставили один раз, и звучала она не более одной минуты. Сняли и задвинули подальше. А мне почему-то захотелось опять ее послушать. И когда дома никого не было, я услышал ее полностью. И со мной произошло что-то непонятное. Я никогда еще не слышал ничего подобного! Эти величавые, таинственные звуки (звучал орган) вызывали во мне странные, почти физиологические ощущения! А было мне лет десять.

Однажды на стене нашего старенького кинотеатра я увидел афишу, на которой было написано: «Сегодня состоится концерт артистов Красноярской филармонии». Вечером я пробрался в зал кинотеатра, без билета, какими-то, только мне известными, пыльными ходами и первый раз в жизни услышал живое пение артистов, которые пели не привычные для меня народные песни, а арии и романсы! И еще я услышал звучание скрипки и виолончели! Все это произвело в моей душе потрясение, подобное разорвавшейся бомбе и вызвало непреодолимое желание еще и еще слушать такую музыку!

Верно, говорят: «Пути Господни неисповедимы!» Я совсем не помню, какие «пути» привели меня, совсем еще юного и очень пытливого человека, во Дворец культуры завода Сибирского тяжелого машино-

Н. Ф. Низенко

строения. Но вот какой разговор случился у меня с руководителем хора:

— Послушал я тебя и вот что скажу: говоришь — петь любишь? А что поешь? И где поешь?

— Пою где? Да везде пою. В тайге, когда на плотках по Мане сплавлиюсь, на Столбах люблю петь — там гулко среди скал, голос звучит! У нас в компании свой позывной есть, без слов, вот послушайте: «А—аа—аа, аааа, аааа...» Это для того, что, если кто заблудится, то на мой голос обязательно выйдет, в тайге голос далеко слышится!

— Да, кричишь ты знатно, тебя и глухой услышит! Ну, а кроме тайги, где-нибудь еще поешь?

— А как же, пою! Вот как родня за стол соберется, так меня и просят чего-нибудь спеть. Пою про «Славное море» — это про Байкал, или про «звезду» — я ее по радио

Концертмейстер Л.Л. Базилевич

слышал, певец Штоколов поет. Я и запомнил эту песню. Отец ее очень любит, когда выпьет, всегда просит: «Спой, сынок, про звезду!» Слушает и плачет почему-то...

— Ну а ко мне зачем пришел?

— Да я хор ваш слушал на майские праздники. Очень мне понравилось, как вы исполняете, особенно, песню про «КЛЕВЕТУ»!

— Ну, это совсем не песня, а ария Базиллио из оперы Россини «Севильский цирюльник». Я переложил ее на четыре голоса, и хор очень любит ее исполнять. А ты когда-нибудь слушал оперу?

— Никогда!

— Тогда слушай меня внимательно. Лет тебе, говоришь, восемнадцать? Голос у тебя есть. Мотивчик запоминаешь правильно, значит, и слух музыкальный есть. Бас у тебя, скорее всего. Становись петь в наш хор, и отдельно будем заниматься сольным пением. Господь одарил тебя богатым голосом. Не будешь «дурака валять», станешь большим певцом! Работаете на заводе и ходишь в вечернюю школу? Тяжело, говоришь? Школу хочешь бросить? Школу не бросай и запишись в

заводскую библиотеку. Читай книги, которые я тебе назову!

Я понимал, что пению нужно учиться, но зачем, чтобы стать певцом, читать книги!? Понял я это много позже, и вечно буду благодарен моему учителю Анатолию Семеновичу Недоспелову, который не только научил меня нотной грамоте и азам академического пения, но и воспитал меня как личность. Это он привил мне любовь к книгам, привел меня в Красноярскую художественную галерею, где познакомил с творчеством гениального земляка Сурикова и других художников. Это с ним мы ходили на спектакли Красноярских и гастролирующих театров. В те далекие годы в городе еще не было оперного театра, но был очень хороший Театр драмы им. А.С. Пушкина и Красноярский ТЮЗ, где тогда работали еще совсем молодые актеры Малеванная, Олялин и никому не известный, начинающий режиссер Кама Гинкас. И я очень захотел поступить в Красноярское училище искусств!

Но путь в училище был долог. Два года службы в армии в войсках воздушного десанта, где я служил рядовым солдатом. С шести утра на ногах. Пел, только услышав команду старшины роты: «Запевай!» Да, я был ротным запевайкой. Полегче стало служить после того, как меня услышал командир дивизии генерал Самойленко. А случай был такой. Рота шла в баню по улицам Белогорска. Старшина скомандовал: «Рота, запевай!», и я запел. Запел песню, которую тогда в дивизии никто не пел — «Взвейтесь соколы орлами». Нашел я ее в нашей полковой библиотеке, как туда попал листок с нотами и словами старшинной казачьей песни никто не знал, но я выучил эту бравую песню с ротой, и старшина ее очень любил. Запел я громко и звонко, рота радостно подхватила, и мы бодро приближались к бане. Да только не знал я, что всю нашу песню прослушал генерал, командир нашей дивизии, следовавший за нами на своем УАЗике. Обгоняет он нас, выходит из машины и командует старшине: «Стой». Старшина, как положено, докладывает, что так, мол, и так,

*В гостях у
Б. Покровского
во время репетиции
оперы «Обучение
в монастыре»*

рота следует в баню. Генерал: «Запевала, выйти из строя!» Я высказываю и сходу докладываю: «Рядовой такой-то следует в баню!» Генерал подошел ко мне ближе, пристально оглядел и говорит: «За отличное исполнение строевой песни объявляю запевале краткосрочный отпуск на родину, а роте благодарность. Встать в строй!» И с той минуты взял он надо мной «шефство». Велел отпускать меня в Дом Офицеров. В лютый мороз щадить мой голос и не ставить меня в караул. И стал я петь во всех праздничных концертах, а генерал всячески меня поддерживал!

В училище искусств поступил я легко, в класс замечательного педагога и певицы Тамары Дмитриевны Корнеевой. Главное, что она требовала неукоснительно — это петь, а не кричать! Чтобы звук тянулся, был звонким и объемным. И не только говорила об этом, но и показывала, как этого достичь красивейшим меццо сопрано. Научила меня певческому дыханию и пению в высокой позиции, что является основой академического пения. Муж Тамары Дмитриевны был военным, и после третьего курса она была вынуждена расстаться с

училищем и со мной, последовав за мужем в место его следующего назначения по службе. Я с большой теплотой и благодарностью вспоминаю ее уроки, заложившие основы моего вокального ремесла. Последний, четвертый курс училища я заканчивал в классе Риммы Ивановны Сидоровой, заведовавшей нашим вокальным отделением. Она очень бережно и внимательно занималась со мной, укрепляя и развивая навыки, полученные мною у Тамары Дмитриевны. Римма Ивановна много и усердно работала над развитием моего образного мышления, над формированием разносторонней творческой личности. Очень грамотно подобрала мне дипломную программу, которая несколько отличалась от требований специализации, указанной в дипломе — «Актер музыкальной комедии», что обязывало выпускников исполнять арии из оперетт. Главным предметом после «вокала» на нашем факультете было «Актерское мастерство», изучению которого уделялось огромное внимание и количество учебных часов. Вел этот предмет замечательный специалист режиссер С.С. Штивельман, который разглядел во мне комическое да-

рование и в учебных спектаклях давал мне роли исключительно этого амплу. Так что к дипломному курсу мне эти, как я их называл, «рольки дурачков» порядком надоели, и мне хотелось петь только оперные арии! Я мечтал об опере! И мои дерзкие мечтания были поддержаны Р.И. Сидоровой, для меня было сделано исключение, и в дипломной программе я исполнял арии из опер русских и зарубежных композиторов! Всегда в моем сердце будет жить благодарность к этому замечательному человеку и педагогу — Римме Ивановне Сидоровой!

И заканчивая тему Красноярского училища искусств, расскажу маленькую, но весьма любопытную историю, произошедшую в конце дипломной сессии. После очередного экзамена приглашают наш выпускной курс в кабинет директора, где главный режиссер Красноярского театра музыкальной комедии очень приветливо и заманчиво стал приглашать некоторых из нас работать в свой театр. Достаточно участливо расспрашивал каждого выпускника о творческих желаниях и планах, дошла очередь до меня. Сообщив, что я бас, я твердо заявил, что желаю петь исключительно в ОПЕРЕ! Озадаченный моим ответом режиссер попросил меня встать, подошел ко мне и померился ростом. После чего грустно сообщил: «Молодой человек, мы с вами одного роста, то есть маленького! С таким ростом в оперу вас не возьмут!» — закончил он свою пламенную речь! Я очень расстроился, даже всплакнул украдкой, но от мечты не отказался и пошел к Римме Ивановне. Римма Ивановна улыбалась, что-то ласковое и доброе говорила, гладила по голове, и я потихоньку успокаивался и успокаивался. Вскоре я поехал в Москву и поступил в Гнесинку! Будучи студентом третьего курса, прошел три тура конкурса в Большой театр, и был принят в стажерскую группу ГАБТА. Это был 1976 год. А через год, в 1977 году я уже пел премьеру оперы Вагнера «Золото Рейна» в Большом театре. В программке спектакля значилось: «ВЕЛИКАН ФАФНЕР — НИКОЛАЙ НИЗИЕНКО»!!! И я, двухметрового роста, пе-

ремещался по сцене с братом Фазольтом, наводя на зрителей страх и ужас! Я накупил много программок и в течение недели каждый день отправлял по одной на адрес Красноярского театра музыкальной комедии тому самому режиссеру, который когда-то меня так расстроил! От неизжитой еще обиды я даже написал: «“Маленьких” артистов не бывает, некоторые из них могут стать и великанами! Главное — не быть бездарным артистом!»

И все-таки пойдем по порядку. В 1973 году я приехал в Москву и успешно поступил в Институт им. Гнесиных в класс народного артиста Казахской ССР Е.В. Иванова, много лет певшего басовые партии в Алма-Ате. В 1944 году Евгений Васильевич получил возможность дебютировать в Большом театре в партии Мефистофеля в опере Гуно «Фауст», а в 1945 году был зачислен в труппу ГАБТ, где этот прекрасный певец-актер спел множество басовых партий, каждый раз создавая высокохудожественные образы оперных героев. Педагогической деятельностью Евгений Васильевич начал заниматься еще в годы работы в Алма-Атинском оперном театре. Имея прекрасную вокальную школу и богатый сценический опыт, он на протяжении всей жизни щедро делился знаниями со своими учениками. С глубоким чувством благодарности и признательности храню я в своем сердце воспоминания об уроках этого замечательного человека и педагога. Не имея своих детей он, как родных, любил нас, своих учеников! А мы между собой звали его «Батя»! И вот один из примеров, объясняющих «почему»? На вступительных экзаменах я нахватал много трюек, только по специальности получил «отлично» и в связи с этим остался без стипендии. Домашние запасы, как денежные, так и продуктовые, вскоре закончились, и я стал худеть. Евгений Васильевич с нескрываемой тревогой наблюдал факт стремительного «постройнения моей фигуры», потом взял меня за руку и, скомандовав: «За мной!», повел в Концертный зал. Подведя меня к пожилому человеку в синем халате (это был главный

*Б. Покровский
и Н. Низенко
за кулисами
Большого театра*

электрик зала), произнес: «Будешь работать у него!» — и исчез. В тот же час я был оформлен на должность электрика концертного зала Института им. Гнесиных, где проработал несколько лет до поступления в стажерскую группу Большого театра. Учитель строго приказал слушать все концерты, как вокальные, так и инструментальные, и я так увлекся этим занятием, что за первый учебный год прослушал более 150 концертов, получая от этого огромное удовольствие и массу музыкальных впечатлений. Теперь я понимаю, сколько мудрости было в «приказе» Евгения Васильевича, какую огромную роль сыграли эти концерты во всестороннем гармоничном развитии и формировании моей творческой и человеческой личности! Мне очень повезло с педагогом! Подчеркивая безусловно хорошие качества моего голоса, Евгений Васильевич четко определил те недостатки голосоведения, которые требовали серьезной работы для их устранения, как то: чрезмерно форсированное звучание, несоответствующее смысловому содержанию музыкального произведения. Бережно и осторожно развивая он мой голосовой диапазон, особенно это касалось верхнего регистра. Не орать, прикрывать (в

шапочке), но и не «глубить», не «заваливать». Активно занимаясь совершенствованием вокально-технической стороны исполнения, учитель непременно добивался и создания художественного образа музыкального произведения. «Голос малоинтересен, если он не выражает мысли, эмоции и чувства, заложенные в вокальном произведении!» — часто повторял Евгений Васильевич. Да, даже на самом начальном этапе обучения педагог учил нас быть вокалистами-артистами, все требования к вокальной технике строились от музыкального и художественного содержания, а потому и атмосфера в классе была самой творческой! Но жизнь человеческая непредсказуема, и мой горячо любимый педагог, совершенно неожиданно для меня, должен был уйти из института по состоянию своего здоровья. Я был в отчаянии! Но Евгений Васильевич и тут меня успокоил, сказав: «Не горюй, сынок! Я договорился с очень хорошим педагогом и моим другом Е.С. Беловым, он возьмет тебя в свой класс, а я всегда буду рядом, буду в курсе твоих дел и проблем. Все будет хорошо!» Я перестал нервничать, а когда начал заниматься с Евгением Семеновичем Беловым, то и вовсе успокоился. Мягкий,

добрый, интеллигентный Евгений Семенович занимался со мной очень внимательно, не нарушая, а поддерживая те вокальные установки, которые заложил в меня Евгений Васильевич, развивая мое образное мышление и общее творческое развитие. За все ему огромное спасибо!

Конечно же, певческим Богом и кумиром для басов всех времен был и остается Федор Иванович Шаляпин, которого слушали мы днем и ночью! Самое главное его достоинство даже не в качестве голоса и технике звуковедения (они безупречны!), а в художественной правдивости созданных им образов. Борис Годунов в исполнении Шаляпина жил, страдал, рыдал, повелевал! Я забывал, что это оперный герой, я забывал, что Федор Иванович поет, передо мной был царь! Царь и одновременно человек, здесь и сейчас проживающий трагедию своей души! Он был живым и абсолютно достоверным, я верил, что именно таким он был и другим быть не может! В «Борисе Годунове» Ф.И. Шаляпин исполнял три партии: после мятущегося, «смертельно раненого» Бориса, Шаляпин в следующем спектакле являл совесть русского народа, образ справедливого и величественного Пимена — и я снова верю ему! А до чего же был правдив и обаятелен в исполнении Федора Ивановича хулиган, прелюбодей и бражник Варлаам! Велика гениальность Пушкина и Мусоргского, гениален Шаляпин! Как мне хотелось научиться всему тому, что делает он, петь так, как пел он! И я научился у него самому главному — идти, искать, находить, работать, всему тому, чему теперь я пытаюсь научить своих студентов — внимать, вникать и закреплять!

Встреча с еще одним великим мастером вокального искусства, оказавшим неоценимое влияние на мое профессиональное и личностное творческое развитие, произошла в 1974 году, когда театр Ла Скала приехал на гастроли в ГАБТ, и я «живьем» услышал Николая Гяурова в партии Фиеско в опере «Симон Бокканеро» Верди. Необыкновенное физиологическое и психологическое воздействие произвели

на меня тембр, объем и мощь голоса Гяурова, правдивость и страстность образа, созданного им на сцене. Ни до того, ни после, вообще никогда больше не ощущал я на себе столь мощного физического воздействия от звучания человеческого голоса. Его голос вибрировал во мне, заставлял сильнее и громче биться мое сердце, наполнял необъяснимым и прекрасным волнением мою душу! В нем было все: радость, трепет, любовь! Это было прекрасно! Я не мог сидеть, я вскочил! Стоя дослушав арию, я громко и радостно закричал: «Вы слышали?! Как это здорово!»

Такие потрясения от искусства не проходят бесследно, высочайший уровень исполнительского искусства Николая Гяурова навсегда остался для меня тем «маяком», к высотам которого я неизменно стремлюсь в своем творчестве!

Почему я поступил в Гнесинку? А потому что в 1971 году, будучи студентом Красноярского училища искусств, мне посчастливилось побывать на сольном концерте и услышать замечательного, тогда еще совсем молодого певца баса Евгения Нестеренко. Меня поразило в нем все! И безукоризненная техника, и удивительное благородство звуковедения, и необыкновенная способность перевоплощения. После умудренного жизнью Гремина передо мной возникал льстивый пройдоха Базилио, а уже через пару минут я хохотал над простовато-глуповатым королем Анри IV. Я узнал, что этот замечательный певец преподает в Гнесинском институте, и очень захотел у него учиться. Но в класс к Евгению Евгеньевичу я не попал, так как он был сильно загружен в театре и не мог себе позволить иметь больше двух учеников, которые у него уже были. Зато я учился у него в театре, простаивая в кулисах все спектакли с его участием. Учился, пытаюсь понять, добраться до самой сути его мастерства. На сцене я видел певца-мыслителя, и это качество артиста поражало меня больше всего! Это был певец новой формации! Эмоции не перехлестывают его, он слышит и видит партнера, не тянет «одея-

«Каменный гость». Лепорелло — В. Низиенко

ло» на себя, нет бессмысленных пауз или действий, он абсолютно естественно и правдиво живет на сцене. Интонация образа рождается в мозгу, а не в горле. Другого такого я не знаю!

У Евгения Нестеренко, интеллектуала и умницы, я учился мастерству «бельканто». Наблюдая за работой Артура Эйзена, учился актерскому мастерству, так как он был превосходным актером, закончившим когда-то Вахтанговскую школу. У Александра Ведерникова можно было научиться многому, так как это очень самообытный, одаренный природой артист, за внешней простотой которого скрывается невероятное богатство природы и личности! А как мне нравилась манера пения знаменитого баритона Павла Лисициана, его необыкновенная свобода звуковедения! Голос лился, журчал, как ручей, сам собой без напряжения во всех регистрах! Я не понимал, где крайние «верха»,

а где трудно берущийся «низ», чем обычно страдали лирические баритоны! Все ровно, все красиво и, главное, как легко и изящно! Я получал огромное наслаждение, слушая музыкальные произведения в его исполнении! Моя однокурсница была хорошо знакома с певцом, бывала в его доме. После моих просьб и долгих уговоров она привела меня к великому певцу, и я получил несколько незабываемых и очень полезных уроков маэстро. Особое внимание уделял он правильности исполнения итальянских упражнений, которыми сам пользовался.

Много чему сумел я научиться у певцов и педагогов вокала, огромно влияние, оказанное ими на воспитание и развитие моей творческой личности.

А сейчас я хочу рассказать об уроках, которые преподавал мне величайший оперный режиссер мирового уровня Борис Покровский. Работа с Борисом Александровичем перевернула во мне все представления об опере, об оперной режиссуре, о существовании артиста-певца на сцене. Моя первая встреча с Покровским произошла в 1977 году во время постановки Борисом Александровичем оперы Щедрина «Мертвые души». Я тогда был стажером и вторым составом был назначен на роль капитана-исправника. Очень небольшая партия, всего несколько фраз, но с очень эффектным появлением на сцене. В самый разгар вакханалии этот персонаж выскакивал из подпола и сообщал изумленной публике (как на сцене, так и в зале), что господин Ноздрев арестован, кратко объясняя, за что! Все в шоке и — занавес! Этим заканчивался первый акт. Все сценические репетиции я сидел в зале, так как к премьерному спектаклю готовили опытного певца с хорошим стажем, и репетировал он. Внутренне рыдая от невозможности выйти на сцену, сидел я в зале и в тот счастливый для меня репетиционный день. Что-то произошло с основным исполнителем, и меня срочно выдернули из зала, спешно обрядили в костюм и загримировали, так как это был уже прогон в гриме и костюме! Щедрин и

«Князь Игорь».
Хан Кончак —
В. Низиенко

Покровский целыми днями торчали в театре, то настраивая оркестр на нужные интонации, то солистов на верное мышление и действие образов! Бегом бежал я с помощником режиссера в сценическое подполье, где подъемник, в который я еле успел вскочить, тут же рванул вверх и выбросил меня на сцену! Это было жутко! От страха я завопил благим матом (Слава Богу — вовремя!): «Господин Ноздрев, вы арестованы!» и все остальное по тексту, и дали занавес. В полуобморочном состоянии я допелся до гримерки, но рухнуть в кресло, как того очень хотелось, не успел. Вбежала ассистентка Б.А. Покровского и, сообщив, что я очень понравился Борису Александровичу, стала выяснять, кто я такой, откуда взялся и почему меня не знают! Как будто я с неба свалился, а не работаю в театре уже почти целый год! И, вы не поверите, премьеру спектакля пел Я! И много-много спектаклей потом. Прожив эту историю, я понял, что очень важное для артиста качество — это готовность! Готовность в любой момент, в любой ситуации выйти на сцену и хорошо сделать свое дело! Борис Александрович заприметил меня, стал общаться, беседовать со мной, предлагать партии в его новых постановках. А вскоре сбылась и моя

заветная мечта — получить главную партию в постановке Покровского! Борис Александрович поручил мне большую комическую партию Мендозы в опере Прокофьева «Обручение в монастыре»! В этой работе уже я стоял в премьерном составе, я пел предпремьерные прогоны, а в зале сидели еще два именитых солиста, назначенных на эту роль. Партия эта большая и сложная. Нужно было не только много и хорошо петь, но и играть, то есть: танцевать, фехтовать, бегать и прыгать, органично и точно существуя на сцене. Вот здесь-то и пригодились в полной мере все актерские навыки, полученные мною и в Красноярском училище, и в самостоятельных тренировках по наблюдению за поведением людей, их характерами и манерами, и знания, впитанные мною при работе с великими мастерами оперной сцены, которые сами того не подозревая, были моими прекрасными учителями. И, конечно же, школа работы в спектакле под руководством гениального Бориса Покровского!

«Голос должен выражать художественную цель — образ, а не просто звучать!» — держа за руку, шептал мне в ухо Борис Александрович. «Ты знаешь, кто он, твой Мендоза? Хитрый пройдоха или глупец?

«Обручение в монастыре».
Мендоза —
В. Низиенко

А может быть, и то, и другое? Что за люди его окружают? Ты, актер, все должен знать о них и их отношениях! Музыка, слово и действие должны быть созданы твоим актерским воображением и приняты и поняты твоим актерским сознанием, должны стать для тебя его (Мендозы) сутью! Раскапывай все, что есть в Мендозе и вокруг него. Да, в партитуре написано два forte. Но отчего это форте? Почему ты так завопил? От радости, негодования, боли? Я не понял. Просто «орать» бессмысленно и глупо! Каждый звук обязан нести точную мысль».

До конца дней буду я возносить молитвы благодарности Господу Богу за счастье встречи с Борисом Покровским, который, поверив в меня, дал возможность работать с ним, безусловно обогащая и развивая мое творчество! Огромное наслаждение и счастье испытывал я от общения с этим великим творцом!

«Вообще-то, в жизни времени мало и поэтому глупо его тратить на глухих людей!» Счастье, что я понял это достаточно давно и с тех пор стараюсь руководствоваться в своей жизни этой истиной.

Вот уже 42 года я работаю и общаюсь с замечательным человеком, который оказал

огромное влияние на мое развитие, как музыканта-вокалиста, так и личности в целом, с моим концертмейстером и другом Л.Л. Базилевичем. Он пришел в наш класс в 1974 году, когда я был на втором курсе. Тогда я не знал, что Леонид Леонидович, прекрасный пианист, брал уроки вокала у известной певицы М. Максаковой и потому хорошо разбирался в вокальном ремесле. В то время я еще не избавился от манеры формировать звук глубоко в гортани. Евгений Васильевич мягко объяснял мне, как вывести звук вперед, сделать его ярким, звонким и не широким, я малоуспешно пытался выполнить рекомендации учителя, результаты были скромными. Леонид Леонидович терпеливо слушал мои бездарные потуги и только недовольно морщился. Но однажды терпение его лопнуло и, когда мы остались одни, наорал на меня, назвав мое пение «тупым ревом быка!». Это было обидно, но оказалось очень полезно: я вдруг все понял, как пелена с глаз слетела, и все стало получаться! Я стал слышать и понимать, что требует от меня педагог. Я зашел, голос зазвенел, мне было легко, радостно и удобно! Обладая хорошим голосом, я в то время имел большие проблемы с общим музыкальным об-

разованием, и Леонид Леонидович взял-ся «образовывать» меня. Его терпению и выдержке можно было только поражаться, но он научил меня элементарно разбираться в музыкальной терминологии, для быстрого выучивания вокальной партии заставил научиться точно и четко самому играть свою вокальную партию. Уровень общей и музыкальной культуры Леонида Базилевича выше всяческих похвал, он не просто концертмейстер, он замечательный и чуткий партнер, обладающий великолепным чувством ансамбля. На концертах мы часто поем с ним дуэтом русскую народную песню «Баллада о 12 разбойниках». Леонид Леонидович активно участвует в подборе вокальных произведений для студентов, являясь неоспоримым авторитетом в определении эпохи, стиля и уровня сложности певческого репертуара. Он аккомпанировал мне в 1976 году, когда я, будучи студентом третьего курса, прослушивался в Большом театре: первый тур в Бетховенском зале, второй — на главной сцене театра, третий тур (арию Сусанина из оперы Глинки «Иван Сусанин» и Собакина из «Царской невесты» Римского-Корсакова, подготовленные с ним же) я пел уже под оркестр Большого театра, после чего и был зачислен в стажерскую группу оперной труппы ГАБТа. После этого замечательного события Леонид Леонидович отправил меня в Одессу к своей тете, профессору консерватории Вере Петровне Базилевич, которая два раза в день в течение месяца занималась со мной, восполняя пробелы моего музыкального образования. С 2002 года Леонид Леонидович является концертмейстером моего класса в ГМПИ им. М.М. Ипполитова-Иванова, и не просто концертмейстером, а главным помощником и советчиком.

«А годы летят, наши годы, как птицы...» И сейчас, по прошествии прожитых лет, перебирая в памяти события и встречи с выдающимися профессионалами оперного искусства Большого театра, с которыми мне посчастливилось общаться на протяжении 28 лет, я понимаю, как силь-

но повезло мне в жизни! Со мной работали величайшие мастера своего дела — концертмейстеры ГАБТ. Назову их по именам. Это Кирилл Львович Виноградов, который на первом моем уроке по разучиванию партии Малюты Скуратова из оперы «Царская невеста» Римского-Корсакова озадачил меня вопросом: «Что Вы знаете об эпохе Ивана Грозного?» и, не дождавшись полноценного ответа, так и не открыл крышку рояля, а отправил меня в библиотеку! А как внимательно, терпеливо и одновременно требовательно работали со мной его коллеги: И.Л. Виннер, Н.П. Разсудова, В.В. Викторов! А дирижеры! От их мнения зависело, будешь ли ты петь в их спектаклях! Большое спасибо Ф.Ш. Мансурову, низкий поклон А.Н. Лазареву и Ю.И. Симонову, Б. Хайкину, Е. Светланову. Бесконечная благодарность Г.Н. Рождественскому, с которым я пел «Дуэнью». Работая с этими величайшими музыкантами, я спел множество интереснейших партий. Это и Варлаам в опере «Борис Годунов» Мусоргского, и Птоломей в опере «Юлий Цезарь» Генделя, Великий Инквизитор из оперы «Дон Карлос» Верди, Бартоло в опере «Свадьба Фигаро» Моцарта, Кончак в опере Бородина «Князь Игорь», Лепорелло в опере «Каменный гость» Даргомыжского, Мендоза в опере Прокофьева «Обручение в монастыре» и много других замечательных партий.

Я рассказал о том, кто и как помог мне пройти огромный путь из барака в мир музыки, научил чувствовать, понимать и любить этот мир! Я бесконечно благодарен Богу и людям, которые дали мне возможность заниматься любимым делом! Память о них всегда живет в моем сердце, и я непреклонно придерживаюсь заповеди моих учителей: «Учиться необходимо всегда, всегда! Всю жизнь!»

Н. Ф. НИЗИЕНКО,

солист оперы Большого театра, заслуженный артист РФ, преподаватель кафедры «Академическое пение» ГМПИ им. М.М. Ипполитова-Иванова, доцент